

Астафьев Виктор Петрович Без последнего astafevvictor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

Зимней порою пятьдесят четвертого года в качестве корреспондента газеты "Чусовской рабочий", прозванной ее бойкоязычными сотрудниками "Очусовельный рабочий", я прибыл на лесоучасток Мыс, чтобы описать передовой опыт обрубки сучьев. За бытность мою в газете я описал и обобщил уже не один передовой опыт, мог бы сотворить и этот, не выходя из редакции, но все же "на месте виднее", и потому я мотался по лесопромхозам, в ботах, называемых "прощай молодость", черпал ими снег, глазел, как палят и пилят лес, превращая его в "кубики", грелся у костра, слушал жалобы, анекдоты военных лет, хлебал вместе с лесорубами переболтанную теплую похлебку, заедая ее мерзлой рябиной, рясно уродившейся в этот год. Если бегло пролистать историю человечества, то сразу же обнаружится скачкообразность его пути. Все вроде бы налаживается, набирает ход, вот уже и путь означен и цель ясна, вот уже идет к светлым далям дружными рядами, сплоченное верами и идеями радостное человечество, вот уже на рысь переходит, но хоп? преграда! Порой совсем пустышная? какой-нибудь пень, какая-нибудь колода, но человечество повалилось, давит само себя, копошится, ползает, озлясь, рвет друг друга зубами и руками. Ну что такое сучок на могучем земном дереве? Закорючка, подставка для пташек, приросток для хвои да листьев. Ан уперлось в сучок человечество, не знает, что и как с ним делать! Дерево валит запросто? сучок одолеть не может. А все оттого, что сучков на дереве очень много и все их надо аннулировать, чтоб из дерева сделать голое бревно, годное на бумагу, брусья, шпалы, доски, рудостойку. Уперлось человечество в сучок и никак не может двинуться дальше, чтоб подчистую оболванить землю, сгубить леса и поскорее без них сдохнуть. Уже к середине пятидесятих годов нашего века существовали сотни, если не тысячи методов борьбы с сучком, и все методы передовые, экономически выгодные, сулящие быстрое продвижение по линии прогресса, а значит, и благосостояния человека. Но сучок! Сучок проклятый торчит, не сдается и все еще спасает нас и землю нашу от гибели. На сей раз передовой опыт заключался в том, что сучки не обрубали, не спиливали, их обдирали петлей стального троса. Перекидавший всевозможные сучкорезки, ножницы, топоры, пилы, я должен был в мысовских лесах обозреть петлю, изобретенную якобы техноруком лесоучастка. На самом же деле оказию эту выдумал какой-нибудь московский хитроумный кандидат наук, скорее всего дальше Марьиной роши ни в каких лесах не бывавший. Описание "чуда технической мысли" появилось в журналах, технорук, углядев новшество, не поленился изложить его на бумаге "своими словами" и предложил внедрить, как свое, нисколько при этом ничем не рискуя. На лесоучастках никто ничего не читал, в том числе и мои страстные статьи, тем более технические журналы. Сучки, как в каменном веке, обрубались тупыми топорами, только топоры уже были железные, плохо насаженные на березовые обрубки, отдаленно напоминающие топорича. На обрубку сучьев сплошь ставились молодые бабы и девки, как правило, завербованные из безлесных краев. Рубили они чаще не по сучку, а по коленке и потому в ряд лежали на нарах в рабочих бараках, будто раненые бойцы в палатках фронтовых медсанбатов во время наступления. Вместе с мужиками, но большей частью бабьем, толсто и неловко для работы в лесу одетыми, я забрался в крытые тракторные сани, посреди которых в ящике, засыпанном землей, стояла бочка с трубой. Дверь дощаной избушки на полозьях примотали проволокой, технорук спросил: "Все ли сели?", обозвал кого-то, не вышедшего на работу, гадом или филоном, сильно постучал в переднюю стенку фургона кулаком, впереди зарычал трактор, сани дернулись, и мы поехали по льду через речку Усьву. Сани задрало, из проруба бочки посыпались угли, вокруг нее задымились окурки, вспыхнули бумажки, трактор, грозно рокоча, волок нас на крутой берег, но скоро напряжение спало? мы ехали по дороге, пробитой по руслу речки Талицы. Лес вокруг Мысовского участка вырубил передовыми и иными, большей частью варварскими способами, лесосеки были от участка далеко, доставали древесину по таким вот горным жилам, в прах растерзывая чудные рыбные, ягодные речки. Древесина влетала в такую копеечку, что сама себя дороже выходила, но все равно ее упрямо валили, прибывая к месту работы в полдень, возвращаясь с работы к полуночи. Словом, ехать нам предстояло далеко. Женщины раскопегарили печку. И хотя в щели избушки сквозило, задувало снег, от красно налитых боков бочки так пекло, что разморило недоспавших людей, и они задремали сплошь, навалившись по-братски друг на дружку. Не спал лишь технорук, молодой, вертлявый, до мерзости распушенный, совершенно технически безграмотный парень. Однако он быстро смекнул, что в темном лесу, в дремучем заготовительном невежестве можно командовать и ему, как он хочет, карьеру можно какую-никакую слепить и деньгу подзашибить. Совсем было скис технорук, когда учуял, что лесозаготовительное дело я знаю не только по газетным статьям. Но я дал ему понять, что "петлю" ни сном, ни духом не видал, что поражен простотой

Астафьев Виктор Петрович Без последнего astafevvictor.ru открытия и смелостью мысли новатора. Мне остается лишь пройти, увидеть, обобщить... Рассказавши два-три полуприличных анекдота, которые в изложении этого парня получились гаже самых поганых, молодой начальник, спавший в кабинете с вербованными сучкорубками и приписывавший им за это в нарядах кубометры, к радости моей, тоже унялся, запахнул полушубок, упрятал лицо в поднятый воротник и, по-хозяйски навалившись на деваху-соседку, сонно расквасил губы. Сани качало, подбрасывало на ухабах, в щели все больше струило снегу, труба дребезжала, в дверцу бочки нет-нет да выпадали угли, но все уже вокруг бочки выгорело, лишь чадила земля и шипя пузырились на ней плевки. Поверху, по стенам фургона все чаще царапало ветками, все сильнее дергало сани ? трактор-трудяга бил путь в нанесенных за ночь сугробах. Я подбросил в печку дров. Они сразу же разгорелись, по отемнелой коробке метнулись отсветы. В дальнем конце фургона, среди бабенок, сомлело навалившихся на него, сидел человек неопределенных лет. Был он тесно прижат в угол и в то же время как-то обособленно сидел, тупо глядя на вновь заалевший бок печки. Лицо его было обнаженно-костляво, глаза тусклы, отдаленны, сухо сжат был морщинистый рот. Одет он был не очень тепло, зато многообразно ? в казенную шапку, слежавшуюся на затылке от носки и времени, с завязанными тесемками ? чтоб шапка не спадывала, вместо шарфа обернуто казенное рубчатое полотенце, серое от пота и грязи, руки глубоко засунуты в рукава бушлата, многожды прожженного, драного, пестро покрытого заплатами. Я видел этого человека в столовой лесоучастка. Технорук небрежно, как о чем-то досадном, сказал, что тип этот выслан в отдаленный район Урала на лесозаготовки после освобождения. Я много встречал разного народа в леспромхозах, не удивлялся уже ничему, даже когда один лесоруб назвался сыном писателя Свирского и попросил за это поставить ему двести граммов. Между прочим, "сын" не знал, что папа его написал "Рыжика", и шибко обрадовался, когда ему об этом сообщили. Я стал закуривать и, перехватив взгляд из угла, протянул туда сигарету. "Бывший" прикурил от уголька, коротко буркнул: "Благодарю!" и снова прикрыл глаза, погрузился в свои думы. Он не хотел никаких разговоров. В какое-то время меня укачало. Стараясь не наваливаться на близсидящих женщин, я задремал и вдруг очнулся от тишины. В будке все зашевелились, зазевали потягиваясь, завязывали платки, надевали рукавицы. По-волжски окая, ? вербованные женщины в Мысу были сплошь почти из Ульяновской области, они удивлялись: ? Как скоро приехали-то! Технорук, отвернув рукав полушубка, взглянув на часы и, отмотав проволоку от двери, выскочил наружу: ? Ч? у тебя опять? Издали что-то прогавкал тракторист. Технорук выругался и, бойко строча струею по доскам фургона, что-то продолжал говорить, приказывать. ? Офурился начальник! ? прыснули бабенки. Застегивая на ходу ширинку, технорук впрыгнул в фургон, передернулся и мрачно пошутил: ? Закуривай, народ! ? он добавил в рифму матерщину. Никто и никак на это не отозвался, лишь тот, с полотенцем на шее, потер переносицу, будто снимая с лица плевки. В стену фургона постучали кулаком. ? Магнето загнулось. Ч? делать-то? ? Опять магнето? ? встревожился технорук и спросил, не открывая дверцы: ? А запасное? Тракторист не отвечал. В мать-перемать заругался технорук и долго крыл тракториста, работу свою и все на свете. В фургоне притихли. Народ думал, что технорук погонит всех до лесосеки пешком. Но начальник неожиданно прервался, вытащил пачку папирос, порвал ее не с той стороны, чертыхнулся: ? Я вас научу! ? ковыряя пачку с другого конца. грозился он. ? Я вас научу родину любить. Сейчас же! Бегом на базу! ? Да я ж в мазутной телогрейке, мороз под сорок... Околею! ? Мороз! Околею! ? передразнил технорук. ? И околей! Башкой думать надо! План срываешь! ? Технорук значительно глянул на меня и, рывком скинув с себя полушубок, выбросил его за дверь: ? Мотай, мотай! Тракторист за стеною фургона проклинал работу, бабу какую-то и нас, сидящих возле печки, во благостном заветрии, в раю ? с его точки зрения. Бухнув пинком в дверь фургона так, что проволока заскулила на скобе, он, отводя душу, напоследок высказался до конца: ? Пла-ан! Все план! Все люди ? бра-атя, понимаеш?! ? и ушел в снег, в тайгу. Мы остались в теплом фургоне, молчаливые, виновато примолкшие. И меня попиливал пустяшный вопросик: "чего это он про братьев-то? Зачем? К чему?" И не одного меня, оказалось, зацепило едкое слово, сдуру бухнутое трактористом. ? Братья! ? раздалось из угла глухо и усмешливо. И все вскинулись, пораженные тем, что человек в полотненном кашне подал звук, случилось это, видать, не часто. Печка притухла, в фургоне было почти темно, и только ветер завывал за неплотно пригнанными досками, позвякивала труба, стучалась дверца на проволоке, шуршало, охало в лесу. ? А хотите, я вам притчу расскажу о братьях? ? неожиданно предложил "бывший", и в голосе его просквозило злорадство. ? Рассказывай. Все равно делать нечего. Загорать долго... ? Дрова поэкономней! ? спохватился технорук. ? Олух этот черт-те сколько проходит, возьмет да еще и заблудится. А ты травы, травы... Человек в углу помолчал, погрел руки, ненадолго вынул их из рукавов, и начал распевно, в расчете на долгое время ? так прежде рассказывали

Астафьев Виктор Петрович Без последнего astafevvictor.ru

сказки деревенскими вечерами, в деревенских теплых избах. ? Было это в некотором царстве, в некотором государстве, в каком ? значения не имеет, факт, что было... Придумали братья для братьев барак без последнего. Изобретение сие просто, как и всякое гениальное изобретение: кто последним из братьев выходил на работы ? того убивали. А в остальном барак как барак, с трехъярусными нарами, с подстилкой из опилок, со светом в первобытных площадях, с необмазанными угарными печами. В бараке том люди толпились уже с полночи у выхода, чтобы не оказаться последним. Тронувшиеся умом хохотали и пели: "Наверх вы, товарищи! Все по местам, последний парад наступает..." И в других бараках, слушая те песни, люди тряслись, верующие и неверующие молили Господа о том, чтоб судьба смилостивилась над ними, чтоб никогда им не бывать в бараке "без последнего". Самое главное, самое страшное начиналось утром, когда отпиралась дверь барака, одна из двух ? заметьте ! ? и раздавалась команда: "Выходи!" Братья топтали друг друга, рвали один на другом одежды, выцарапывали глаза, ломали руки, ноги, рыдали от счастья, когда выбивались на улицу не последними... На улице по обе стороны двери стояли и покуривали братья северного, светловолосого лика, с голубыми иль серыми глазами, поджидали последнего, чтоб застрелить его или, как они, посмеивались, говорили ? "пришить"... Система первых и последних, подобная лошадиным скачкам, когда переднюю лошадь кормят сахаром, а последнюю бьют кнутом, испытывалась на шкурах ее же создателей. По закону мироздания день сменяется ночью, ночь днем, зима летом, лето зимой, но зло не изменяется и рождает только зло. Творца небесного братья отменили, сами сделались творцами и теперь дивились на дело рук своих. ? Представьте себе: однажды в тот барак попали два брата, нет, не те, которых побратал барак, а истинные, единокровные братья-близнецы. Они были еще молодые, ражие, как говорят в народе. Оба брата были одинакового роста, одного лика, русы, светлоглазы, в плечах ? сажень. Как они, деревенские, почти неграмотные парни попали в барак, куда согнаны были "сливки" общества, никто братьям не объяснил. Единокровные братья чувствовали себя в бараке "без последнего" как дома: спали спокойно, при выходе на работу не нервничали. Они, как котят, разбрасывали всю эту вопящую, суетную, мелкотелую интеллигенцию и, словно по замусоренной луже, вплавь выхлестывались наружу. На что уж комбриги, комкоры и генералы-молодцы сильны были, и те перед братьями не стояли. Выплывут братья из барака, отряхнутся да еще и стрелкам подмигнут, вместе с ними улюлюкать возьмутся, потешаясь над барахтающей в подвальной темноте человеческой червью. Шли дни, месяцы шли, и хотя последнего каждый раз убивали, населения в бараке не убавлялось, его все время пополняли, что войско на ходу, потому как в царстве том, превеликом государстве народу было еще много. Единокровные братья выходили и выходили на работу первыми, сменяя слабосильную, пронумерованную толпу, стаптывая себе подобных особей. Однако харчишки в бараке давали такие, чтобы работать человек еще мог, но чтоб к женщине его не тянуло. Братья же привыкли к еде деревенской, ядерной, обильной, съедали, как они сами бахвалились, в один прихват по две кринки молока, по караваю хлеба, по чугуну картошки, по миске каши. Братья начали слабеть от барачных харчей. Вот на работу они уже вторыми выходят, третьими, не улюлюкают больше, не потешаются над безумной толпой, тревожно, по-песьи заискивающе поглядывают на стрелков. Те свойски подмигивают им, ничего, дескать, ребята, мы люди терпеливые. Стали ворочаться на нарах ночами братья, будить друг друга раньше времени, и шариться начали по чужим котомкам, затем по помойкам. А это уже близко ко краю. Один из братьев заболел прилипчивой лагерной болезнью ? дизентерией. Штука эта и на воле гибельна для человека, но в бараке "без последнего" если ее приобрел... Но братья еще шли и шли на яростный утренний штурм смело, дружно. Здоровый брат бил дорогу больному, рвал руками и зубами все, что подвертывалось на пути, да заразился дизентерией и он ? болезнь-то переходчива. Однажды утром заметили братья, какой-то профессоршко, весь заросший жидкой бородачкой, обошел их; другой раз академик узким плечишком оттер; картавый очкастенький поэт, отроду чахоточный, пробился вперед; генералы-молодцы просто мнут барачную тлю и братьев вместе с нею. Все ближе, ближе братья к последнему делаются. Пали они духом, кричат друг на дружку взялись: "Васька, не отставай!", "Ванька, круши кашкалду!" Да уж не крушится. Рот раззявлен, глаза наружу, все напряжено, но сил нет. Долго ли, коротко ли шло это соревнование, долго ли, коротко ли боролись братья, но пришел их черед ? Васька остался последним. "Ванька ? братан, не бросай!" ? завопил он. И Ванька вернулся к Ваське, подхватил его, выволок из рокового барака, а ему в грудь дуло автомата. Закричали Ванька с Васькой: "Граждане начальники! Граждане... Мы всегда... мы всегда были первые! Мы еще можем..." Но нет пощады последнему, от веку нет, в любой жизни нет, в лагерной и подавно. Оттянул стрелок затвор, деловито, неторопливо поднял автомат. И тогда Ванька схватил вовсе ослабшего Ваську и загорадил его. Но автомат был новой системы, хорошо смазанный, ? очередь прошла обоих братьев... ..Все так же выл ветер, все так же гудела тайга

Астафьев Виктор Петрович Без последнего astafevvictor.ru над фургоном. Печка притухла, люди не шевелились. Я протянул рассказчику сигарету. ? Проклятые фашисты! Немчура черная! ? прошептала рядом со мной женщина. Я подумал, человек из угла скажет: "При чем тут фашисты? При чем немчура?" Но он ничего не сказал. Ломая одну за другой спички, наконец добыл огня, начал жадно затягиваться, захрипел, задергался, закашлялся. Почти всех кашель встряхнул, все стали озираться, роняя какие-то, ничего не значащие звуки и слова вроде; "н-на", "ч? деется...", "Боже мой, боже мой..." Технорук передернулся, встал на одно колено, начал подбрасывать поленья в печь и, дождавшись, чтоб разгорелось, с усилием молвил: ? Ты вот что, дядя! Ты эти разговорчики брось. ? Голос технорука напрягся. ? Тут рабочий народ, корреспондент газеты... ? Технорук замерз в свитеришке, распахнул дверцу печки, плюнул на пальцы, поленом колотил чающую головню. Лицо его было сурово, негодующе, но вдруг насторожилось и в нем все и тут же отмякло ? послышался кашель и говор на дороге ? тракторист возвращался и разговаривал с тем, должно быть, человеком, который проспал на работу. ? живы будем ? не помрем! ? потер руки технорук и словно спичкой чиркнул взглядом по углу, где курил и тянулся к печке выговорившийся человек. Все в фургоне закашляли, облегченно зашевелились, радуясь тому, что скоро поедут на работу. Технорук начал цапать девок за что попало, и они не шибко упорно оборонялись, повизгивали, шлепали его по рукам. Всем сделалось снова не то чтобы тепло и легко, но привычно. Как бы винась за что-то или подлаживаясь под момент, одна из бабенок пихнула локтем под бок рассказчика: ? "сорок оставь", ? свойски ему сказала. Затянувшись от недокурка, бабенка беспричинно захохотала и продекламировала ни к селу, ни к городу: "Мертвый у гроби сладко спи, жизнью пользуйся живущий..." и снова захохотала, как всем казалось, слишком громко, неуместно и снова совершенно беспричинно. Но каково же было мое и всех спутников удивление, когда, наконец, прибыв на лесосеку, выгружаясь из фургона, мы обнаружили в углу дружно, в обнимку почивающих рассказчика и хохотавшую бабенку. Проявляя трогательную заботу, бабенка вколотила шапку на голову соседа, увязала, заправила его и сама, снаряжаясь, спрашивала, что ее спутник видел во сне. "Вот у меня всегда тоже так, ? вынимая из-под лавки топор и пилу, сетовала она: ? Увижу ? сто рублев нашла. Мац-мац ? нету! Но как увижу блядство, что в штаны напрудила, проснусь ? мокро-о-о..." Я увидел, как забила шапка на голове мужика, как заподпрыгивал горбом вздувшийся бушлат на его спине ? он хохотал и топал по едва протоптанной тропинке в глубь леса. Новая серебристая пила качалась крылато, как у ангела за плечом, чуть позвякивая на морозе. Баба с топором на плече, поспешая за ним, колоколила: "А ишо, не дай бог, свеклу парену увидеть. Н-ну, хуже, чем живого попку на вышке..." Скоро в том месте, куда ушли мужик с бабенкой, размашисто, размеренно, без суеты и сбоев заширкала пила. И среди всего заснеженного леса вдруг вздрогнула, скрипнула, качнулась островерхая ель. Ломая себя, круша встречные преграды, гоня перед собою вихрь, отемняясь на ходу, ель черным облаком ахнулась в снег. Долго-долго не было видно ни вальщиков, ни поверженного дерева из-за взрывом взнявшегося перемерзлого снега. 1968

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://astafevvictor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!